

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА ФЕКЛОВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Санкт-Петербургский филиал Института истории ес-
тествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской
академии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-8446-4192; tat-feklova@yandex.ru

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КИТАЯ АКАДЕМИЕЙ НАУК В XVIII–XIX ВЕКАХ

А н н о т а ц и я . Актуальность исследования определяется долгосрочным взаимодействием России и Китая, обусловленным как географической близостью государств, так и их многовековыми историческими связями. Основная цель статьи заключается в комплексном анализе «китайского направления» научной деятельности Академии наук в XVIII–XIX веках, что позволяет проследить эволюцию российско-китайского научного сотрудничества на раннем этапе его формирования, выявить основные направления взаимодействия и определить вклад российских ученых в развитие синологии как самостоятельной научной дисциплины. Приводится комплексный анализ экспедиций и естественно-научных исследований, проведенных учеными в сотрудничестве с Русской духовной миссией в Китае. Систематизируется изучение Китая: постепенный переход от опосредованного получения информации через работавших в Китае миссионеров-иезуитов в XVIII веке к формированию постоянного научного центра в Пекине в виде магнитно-метеорологической обсерватории во второй половине XIX века. В статье использовались источники из российских архивов (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, Российский государственный исторический архив, Архив внешней политики Российской империи), которые ранее не были доступны научному сообществу.

Ключевые слова: Академия наук, Китай, Пекин, магнитно-метеорологическая обсерватория, экспедиции, Русская духовная миссия

Для цитирования: Феклова Т. Ю. К истории изучения Китая Академией наук в XVIII–XIX веках // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 4. С. 72–80. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1185

ВВЕДЕНИЕ

После начала освоения Сибири и Дальнего Востока в XVI веке Россия вплотную подходит к границам Империи Цин (далее – Китай). В XVII веке в связи с расширяющейся экспансией России на Дальний Восток все острее встает вопрос о российско-китайской границе, возникают попытки наладить дипломатические отношения с Китаем. Первые сохранившиеся в российских архивах грамоты на китайском языке датируются 1619, 1649 и 1654 годами [9]. Российское правительство интересовало перспективы развития отношений с Цинской империей¹, что было обусловлено как экономическими, так и политическими причинами [2]. Особую значимость эти отношения приобретали в контексте общей международной обстановки на Дальнем Востоке, где возрастало влияние европейских держав, в частности Великобритании и Франции. В XVIII и XIX веках на территории Китая существовало несколько христианских мис-

сий, в том числе православная, организованная в 1713 году, – Русская духовная миссия (РДМ).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

История РДМ и ее деятельности в Китае достаточно широко освещена в работах Н. А. Самойлова [17], В. Г. Дацышена [6], А. И. Ипатовой [7], П. Е. Скачкова [18] и многих других. Однако эти исследования сфокусированы в основном на истории миссии и отчасти на ее сотрудниках. Сотрудничество Академии наук и иезуитов рассмотрено в монографии Т. А. Пан и О. В. Шаталова [14].

История миссии интересовала и зарубежных ученых. Многие из них, например А. Парри [29] или К. С. Латуретта [25], высказываются достаточно предвзято, поскольку часто характеризуют православную миссию как базу для обучения русских шпионов и подготовки оккупации Китайской империи. Книга О. Клаба [23] стала попыткой представить полную историю взаимоотношений России и Китая с XIII по XX век. От-

дельные аспекты существования Русской духовной миссии отражены в статье П. Адамека [21], в которой миссия рассматривается как первое иностранное долгосрочное «посольство» России в Китае. В статье показано, что в течение 150 лет миссия в Пекине имела двойственную структуру, подчиняясь как светским, так и духовным властям и реализуя миссионерские и политические интересы страны. Некоторые аспекты истории христианских миссий представлены также в исследованиях [22], [27], [28].

Важными для данной темы стали работы, написанные китайскими учеными. Нередко они имеют ярко выраженную идеологическую окраску, представляя миссию в качестве агента колониационной политики европейских держав. В работе Гу Чаншэна «Миссионеры и Китай в новое время» [33] достаточно подробно описывается эволюция института РДМ, дается относительно объективная оценка деятельности российских миссионеров, хотя и отмечается их роль в агрессивных действиях России и Японии против Китая в XX веке. Также стоит отметить исследования Чжу Кочжэня [30], Цзинь Юньлуна [24] и Янь Годуна [31].

В переизданной работе Цай Хушэня «Исторические хроники Русского двора» [32] дана краткая характеристика истории Русской духовной миссии в Пекине в XVIII и XIX веках. Особое внимание уделено истории торговых отношений России и Китая; отдельная часть посвящена рассмотрению деятельности врачей и художников при духовной миссии.

Наиболее полно историография по истории Русской духовной миссии отражена в работе Ли Цзинчэня: рассматривается деятельность РДМ в Пекине с 1715 по 1956 год, раскрывается ее историческое влияние на христианство в Китае и китайско-российские культурные обмены. В статье используются исторические сочинения XIX века, современные российские и западные источники, а также большой комплекс работ китайских авторов [26].

Таким образом, если история Русской духовной миссии и ее функция как важнейшего научного института, положившего начало развитию синологии в России, достаточно хорошо изучены, то отдельные моменты «китайского направления» научной деятельности Академии наук в XVIII и XIX веках представлены в историографии в общих чертах. Цель статьи заключается в восполнении существующих пробелов в изучении истории академического китаеведения.

Источниками для нашего исследования послужили материалы Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, Российского государственного исторического архива,

а также Рукописного отдела Российской национальной библиотеки, содержащие информацию об истории Русской духовной миссии в Пекине, ее взаимодействии с Академией наук и другими научными организациями Российской империи.

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ В ПЕКИНЕ

История исследований российских ученых в Китае разделяется на три этапа:

1) XVII–XVIII века – точечные исследования (дипломатические посольства, торговцы, контакты с иезуитами и Русской духовной миссией). Коллекция раритетов для музеев, редких книг и рукописей.

2) Первая половина XIX века – периодические исследования. Первые попытки Академии наук и других организаций в России осуществлять собственные научные проекты в Китае. Сотрудники РДМ проводят исследования в Китае, занимаются переводческой деятельностью, собирают этнографические, ботанические и зоологические коллекции, создавая, таким образом, научную базу для развития синологии в России.

3) Вторая половина XIX века – систематические наблюдения Академии наук в Китае. В 1848 году на территории РДМ была построена Пекинская магнитно-метеорологическая обсерватория Академии наук. Проводятся интенсивные узкоспециализированные исследования.

История возникновения Русской духовной миссии в Пекине связана с пограничными конфликтами на реке Амур в XVII веке. Расширение территории Российской империи на Дальнем Востоке натолкнулось на сопротивление китайского правительства, которое считало эти земли своими. Ключевым моментом стала судьба крепости Албазин на Амуре. В 1685 году она была захвачена китайскими войсками и часть населения около крепости вместе со священником были отправлены в Пекин. Император Китая Канси (Сюань) передал им кумирню (буддийский храм), а после смерти священника из крепости Албазин разрешил пригласить нового священника из России, что и положило начало многолетнему присутствию Русской православной церкви (РПЦ) в Китае. Так, в результате военно-политического конфликта за амурские земли была создана РДМ, сыгравшая впоследствии важную роль в развитии российско-китайских культурных связей.

Уникальность РДМ в Пекине определялась несколькими факторами. Во-первых, в отличие от представителей других христианских конфессий, миссия практически не занималась миссионерской деятельностью, сосредоточившись на поддержании православия среди албазинцев. Вплоть до середины XIX века правитель-

ство Китая запрещало иметь на своей территории какие-либо дипломатические представительства других стран. Поэтому до открытия официального консульства Российской империи в Пекине в 1861 году РДМ выполняла и дипломатические функции. Она сотрудничала со многими учреждениями в Российской империи, прежде всего научными, выполняя многочисленные запросы на комплектование коллекций, получение информации и приобретение редких книг и рукописей. Ученые Академии наук составляли для членов миссии инструкции, предоставляли им научные книги, астрономические и магнитно-метеорологические инструменты, проводили собственные исследования на территории Китая под прикрытием миссии, а также обучали сотрудников миссии в своих музеях и обсерваториях. Например, студент 12-й миссии (1839–1849) В. В. Горский, имевший задание от Академии проводить астрономические наблюдения в Китае, прошел обучение в Главной физической обсерватории. Таким образом, до середины XIX века РДМ в Пекине являлась фактически единственным надежным каналом получения информации о Китае как для российского правительства, так и для Академии.

АКАДЕМИЯ НАУК И ИЗУЧЕНИЕ КИТАЯ В XVIII ВЕКЕ

Реформы Петра I не только отразились на внутренней политике России, но и полностью изменили ее внешнюю политику, поставив страну в один ряд с сильнейшими державами того времени. Конец XVII – первая четверть XVIII века связаны в основном с европейским направлением внешней политики, однако восточный вектор проявлялся все ощутимее. Россия превратилась в евразийскую державу, вошла в систему как европейских, так и азиатских международных отношений. При Петре I страна включилась в геополитическое пространство Азиатско-Тихоокеанского региона [16: 69–70].

Во время царствования Петра I Россия и Китай приходят в соприкосновение практически на всей протяженности огромной границы. Интерес Петра I к Китаю связан в определенной степени с его поездками в Европу и знакомством с известными учеными того времени, в частности с голландским политиком, картографом и управляющим Ост-Индской компанией Н. Витсенем, который преподнес в подарок царю карту северо-восточной Азии [12: 55]. Немалую роль в формировании у Петра I интереса к Китаю сыграл Г. В. Лейбниц, с которым Петр советовался по поводу создания в России первых научных учреждений. Лейбниц убеждал Петра, что именно Россия в связи с ее особым географическим

положением должна развивать востоковедение [10], [12: 57].

Восточное, в частности китайское, направление исследовательской работы Академии наук фактически с первых лет ее основания было достаточно заметным в ее работе. В первой четверти XVIII века личный посланник Петра I И. Л. Ланг шесть раз посетил Китай с целью расширения российско-китайских отношений и сбора сведений о географии и внутреннем устройстве Китая. В 1728 году, после возвращения из Китая торгового каравана, Ланг предложил Академии установить через его посредничество научные связи с работавшими в Китае миссионерами. Данное предложение и поступившие от Ланга сведения о Китае побудили ученых Академии наук заняться изучением Китая [8: 73]. В том же году географ и член Академии наук Ж. Н. Делиль составил подробный обзор истории изучения науки стран Востока в Европе (около 100 стр.), а академики Г. В. Крафт, Ф. Х. Майер, Г. Ф. Миллер и др. написали статьи и заметки о развитии математики, астрономии и философии Китая. В связи с тем что вплоть до начала XIX века практически все естественно-научные исследования в Китае проводились монахами ордена иезуитов, российским ученым пришлось установить с ними научный диалог. Этот научный альянс позволил российским исследователям получить доступ к уникальным материалам и знаниям, что ускорило развитие отечественного востоковедения.

В 1725 году на должность профессора греческих и римских древностей в Академию наук был приглашен воспитанник Лейпцигского университета Т. З. Байер. В 1734 году он был назначен на должность профессора восточных языков. Еще до этого назначения в 1729 году Байер издал первую в Европе китайскую грамматику «Китайский музей, в котором рассказывает о системе китайского языка и литературы». Для ее издания впервые в России были выгравированы китайские иероглифы [3: 132]. В 1730 году Байер опубликовал исторический обзор европейских трудов по синологии, куда вошли работы по китайской грамматике, словарь и данные о мерах и весах². Труд был написан с использованием материалов, присылаемых Байеру миссионерами И. Кеглером, А. Перейрой, Славичеком, Д. Паренином и А. Гобилем [4: 5]. Труд Байера «Museum Sinicum» в 1731–1732 годах был отправлен вместе с караваном Ланга в Китай.

Миссионеры в дальнейшем поддерживали переписку с Академией наук. Так, 17 июня 1737 года Академией были получены письма от А. Гобиля, Д. Паренина, А. Перейры и И. Ке-

глера, в которых содержались сведения по астрономическим наблюдениям, сделанным в Китае, Сибири и на Камчатке, информация о путешествиях по Сибири, а также сведения о языке и науке в Китае [8: 195]. Академия наук неоднократно направляла в Китай опубликованные ею книги, а три иезуитские коллегии в Пекине пересылали в Академию свои труды [15: 233], [22].

В 1731 году, после прибытия китайского посольства [29] в Россию³, Академии было приказано изготовить рисунки въезда посольства в Санкт-Петербург, аудиенции, портреты знатных особ, а также краткое географическое описание Китая с ландкартой для опубликования в «Примечаниях на Ведомости» [8: 97]. 6 июня 1732 года члены китайского посольства посетили Академию, где им были подарены академические издания, в том числе «Комментарии Санкт-Петербургской императорской Академии наук» и китайская грамматика Т. З. Байера [11: 22].

27 сентября 1734 года И. Л. Ланг еще раз предложил свои услуги по установлению связи с миссионерами в Китае. Академик Т. З. Байер составил список книг, которые Академия наук хотела бы иметь в своем собрании. Отдельные пожелания высказали академики И. Аман и И. Г. Дювернуа [8: 143]. В 1738 году академик Ж. Н. Делиль представил Конференции Академии наук свое письмо, написанное французскому миссионеру-иезуиту в Китае Э. Сусье, в котором обсуждал вопросы китайской астрономии и науки [8: 212]. С иезуитом Э. Сусье Делиль познакомился через французского иезуита А. Гобилья, который в 1722 году был назначен миссионером в Китай и с 1725 года пытался установить постоянную переписку с Петербургской академией наук. Основным его корреспондентом стал Ж. Н. Делиль; их переписка активно велась с 1732 до 1735 год [1]. Главными обсуждаемыми вопросами стали вопросы китайской картографии и астрономии. 16 марта 1739 года Гобиль был избран иностранным почетным членом Академии, став тем самым первым иезуитом в ее составе [8: 228].

После оставления Т. З. Байером Академии наук в 1736 году и краткого периода работы Г. Я. Кера (до 1740 года) в ней не было ученых-синологов, однако китаеведение и вообще восточное направление исследований продолжало развиваться. Так, 29 марта 1753 года Академией наук были подготовлены материалы и вопросы для передачи их пекинским иезуитам через врача Ф. Л. Елачича, отправляющегося с караваном в Китай. Академия наук просила иезуитов прислать сочинения по китайской

философии и истории, наблюдения наклонения и склонения магнитной стрелки, а также интересные предметы для Кунсткамеры. Переводчиком И. К. Россохиным был составлен список книг для восстановления коллекции Кунсткамеры после пожара 1747 года [13]. Кроме того, в отдельной инструкции за подписью академика И. Д. Шумахера была дана «роспись выписанным из каталогу Парижской библиотеки китайским книгам, которые из Китая в Санкт-Петербургскую Императорскую Библиотеку доставить должно», в этом списке было 72 номера. Выполняя эти поручения, Елачич купил в Пекине 123 экземпляра книг (51 название) различной тематики, в числе которых было 56 экземпляров (15 названий) исторических книг [4: 5]. По итогу научных обменов к концу XVIII века между иезуитами в Пекине и Петербургской академией наук была налажена постоянная переписка.

29 марта 1756 года Правительствующий Сенат направил в Академию наук для перевода приобретенное в Пекине многотомное издание китайских историков «История Китайского государства» [5: 22]. Академики М. В. Ломоносов, И. Д. Шумахер, И. Штелин и И. Тауберт были назначены ответственными за организацию работ по переводу «Китайской истории» [4: 5]. Переводчиком был служащий Академии И. К. Россохин, а в помощь ему был приставлен переводчик из Коллегии иностранных дел. В 1755 году при Академии наук по инициативе М. В. Ломоносова было начато издание первого в России научно-популярного журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», где печатались статьи, в том числе и по истории Китая [14].

Постепенно в Академии сформировалась уникальная библиотека, содержащая редкие книги на китайском, монгольском, маньчжурском и тибетском языках [4: 5]. Поступающие в нее книги и рукописи из Китая привозились в Россию посольствами, передавались иезуитами, работавшими в Китае, и членами РДМ. Так сформировались собрания рукописей, ксилографов и печатных книг на восточных языках, что создало основу для будущих востоковедных исследований, в том числе синологии.

АКАДЕМИЯ НАУК И ИЗУЧЕНИЕ КИТАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В XIX веке активно развивается наука и происходит ее дальнейшая дифференция. Особое развитие получает синология, в успешном становлении которой большую роль сыграла РДМ, во многом ставшая проводни-

ком не только интересов Российской империи в Азиатско-Тихоокеанском регионе (выполняя функции дипломатического представительства, военного и торгового агента), но и научно-исследовательского учреждения на территории закрытого государства.

В XIX веке расширяются категории исследователей, проводивших изучение Китая. Основными из них были:

1. Сотрудники РДМ. Срок их пребывания ограничивался сроком работы основной миссии (десять лет), но мог быть продлен в зависимости от их желания. Они проводили астрономические наблюдения, собирали ботанические, зоологические и этнографические коллекции, занимались переводческой деятельностью.

2. Исследовательские группы и отдельные ученые представители учреждений Российской империи, таких как Академия наук, Генеральный штаб, Императорское Русское географическое общество. Пребывание их в Китае ограничивалось задачами экспедиций. Финансирование осуществлялось из средств Государственного казначейства, средств самих учреждений. Решаемые ими научные задачи: комплектование ботанических, зоологических, этнографических коллекций, астрономические наблюдения, составление карт, торговое и военное изучение страны.

3. Члены русской магнитно-метеорологической обсерватории Академии наук в Пекине. Срок их пребывания не ограничивался. Финансировались первоначально за счет Департамента горных и соляных дел Министерства финансов, впоследствии Императорской академии наук Министерства народного просвещения. Вели изучение земного магнетизма и метеорологии, занимались основными астрономическими наблюдениями.

Первая экспедиция Академии наук в Китай

Первая попытка проведения самостоятельного научного исследования Китая силами Академии наук в XIX веке была предпринята в 1805 году, когда ученые Академии в составе астронома Ф. И. Шуберта, адъюнкта по зоологии М. И. Адамса, адъюнкта по ботанике И. И. Редовского, географа, минералога Л. Панснера (Императорское депо карт) и адъюнкта по восточным языкам и словесности Ю. Клапрота были назначены в состав очередной смены Духовной миссии в Китай [20: 58]. Однако из-за разногласий на границе посольству отказали в проезде по территории Китая, и ученые были вынуждены проводить свои исследования на Дальнем Востоке и в Сибири.

1830-е годы стали поворотным моментом в истории российского китаеведения. Именно в этот период произошло фундаментальное из-

менение подхода к изучению Китая: от любительских наблюдений к систематической научной работе. В этот период были заложены основы профессионального исследования Китая, сформировались первые научные школы, а изучение китайского языка и культуры стало систематическим и целенаправленным процессом (например, в 1837 году состоялось открытие кафедры китайского языка и словесности в Казанском университете). Именно с 1830-х годов можно говорить о рождении российского профессионального китаеведения как самостоятельной научной дисциплины. Этот переход к профессиональному уровню исследований открыл новую главу в изучении Китая и заложил фундамент для дальнейших научных достижений в этой области.

Экспедиция Академии наук в Китай в 1829 году

В 1829 году к отправлению в Китай готовилась следующая смена РДМ. В конференции Академии наук был разработан план экспедиции. Согласно плану, в Китай предполагалось отправить для проведения астрономических и естественно-научных исследований двух ученых: астронома Е. Н. Фуса и зоолога А. А. Бунге⁴. Миссия 1829 года, в составе которой работали Бунге и Фус, стала фактически первой российской научной экспедицией в Китай. Кроме богатых естественно-научных коллекций, ученые привезли в Петербург этнографические коллекции, отражающие быт и культуру Китая. Несмотря на успешность экспедиции, сложности, связанные с проведением самостоятельных экспедиций на территории Китая, заставили Академию наук отказаться от крупномасштабных исследовательских проектов и задействовать сотрудников миссии, полагая, что при наличии инструкций и небольших образовательных ознакомительных курсов студенты и члены миссии вполне справятся с возложенными на них научными задачами.

Научная деятельность сотрудников миссии в Китае

Следующая, 12-я миссия РДМ была сформирована через десять лет. Невозможность отправить подготовленных специалистов вынудило Академию ограничиться написанием инструкций и ассигнованием денег студентам миссии для закупки старинных китайских, маньчжурских и тибетских книг и манускриптов. В состав миссии вошли студенты Казанского университета В. П. Васильев (1818–1900), В. В. Горский (1819–1847), И. А. Гошкевич (1814–1875) и врач А. А. Татаринов (1817–1886). Студент В. П. Васильев получил неофициальное звание «агента» и корреспондента Академии наук⁵. Сбором зоологических коллекций занимались А. А. Татаринов

и студент В. В. Горский, которые с разрешения китайских властей совершили экскурсию на север страны.

Результатом работы В. П. Васильева стали ботанические и зоологические коллекции, а также большое собрание монгольских и тибетских книг. Для библиотеки Академии Васильевым были приобретены такие сочинения, как «Описание Центральной Азии в средние века» в 12 томах (西域言论)⁶, редкие тибетские книги Ганджур (собрание буддийских текстов) в 108 томах и Данджур (комментарии) в 254 томах. Общая стоимость этих книг составила 500 лян⁷. В 1866 году за заслуги в области востоковедения В. П. Васильев был избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук [9: 193].

Понимая сложность получения информации из Китая, Академия наук пыталась привлечь китайских ученых к научному сотрудничеству. Китайцы могли свободно передвигаться по всей территории страны и без подозрений собирать разнообразные коллекции, избавляя тем самым Академию от затрат на организацию и снаряжение полноценной экспедиции.

Одна из попыток привлечения китайских ученых была предпринята в 1839 году. Конференция Академии направила члену РДМ А. А. Татаринову письмо, в котором просила его перевести инструкции зоолога на китайский язык. Академия наук была готова платить 150 рублей серебром в год китайцам, согласившимся работать на российских ученых⁸. Деньги должны были выплачиваться по частям при подтверждении Академией наук заинтересованности в собранных коллекциях или экземплярах. Разрабатывая программу научного исследования Китая, Академия наук предполагала, что эта деятельность принесет пользу не только российской и мировой науке, но будет полезна и китайским ученым, которых привлечет перспектива сотрудничества и получения новых, современных приборов, прежде всего астрономических, возможность получать европейские научные книги и журналы, усвоить передовые методы сбора коллекций и проведения астрономических и метеорологических наблюдений. Однако вскоре стало ясно, что китайские ученые не были заинтересованы в развитии двустороннего научного сотрудничества: китайское правительство официально запретило своим подданным контактировать с иностранцами, единственной формой сотрудничества была передача книг и некоторых инструментов китайцам. Отметим, что в Китае отсутствовали ученые-естествоиспытатели в европейском понимании этого слова.

СОЗДАНИЕ МАГНИТНО-МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК В КИТАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Ослабление Китая, вызванное политическим кризисом, усиленным поражением в двух Опиумных войнах (1839–1842, 1856–1860), вынудило китайское правительство отказаться от политики самоизоляции. Данное обстоятельство значительно упростило задачу ученым, хотя РДМ в Пекине оставалась основной базой для проведения научных исследований. Начальники миссии активно поддерживали развитие науки в самой миссии. Сотрудники и руководители миссии (XVIII век – А. Л. Леонтьев, И. К. Рассохин; XIX век – Н. Я. Бичурин, В. П. Васильев, З. Ф. Леонтьевский, П. И. Каменский, В. В. Горский, А. А. Татаринов, О. М. Ковалевский, П. И. Кафаров (Палладий) и др.) внесли большой вклад в российское востоковедение, а глава девятой миссии Н. Я. Бичурин за свои труды в 1828 году был избран членом-корреспондентом Академии наук.

В связи с тем что научные исследования в Китае в первой половине XIX века проводились в основном неспециалистами (сотрудниками миссии и прикомандированными к ней врачами и студентами), Академией наук было принято решение перестроить практику получения научных данных из Китая, организовав постоянный пункт наблюдения. В первую очередь изменения коснулись астрономических, метеорологических и магнитных исследований, требующих специальных знаний и инструментов.

В 1848 году на территории Северного подворья РДМ в Пекине было начато возведение магнитно-метеорологической обсерватории, способной проводить и астрономические исследования. К началу февраля 1862 года строительство обсерватории и ее оснащение приборами было в основном завершено; 1 января 1866 года Пекинская обсерватория была включена в состав Академии наук. Обсерватория существовала с 1848 по 1914 год и внесла уникальный вклад в науку о климате на Дальнем Востоке. С 1868 по 1881 год магнитно-метеорологическую обсерваторию в Пекине возглавлял Г. А. Фритше (1839–1913), работавший до этого в Главной астрономической обсерватории Академии наук вычислителем. Он стал первым русским ученым, совершившим несколько экспедиций по территории Китая и составившим карты с использованием самых передовых астрономических инструментов. К концу 1873 года под юрисдикцией Пекинской магнитно-метеорологической обсерватории находилось шесть магнитно-метеорологических станций, расположенных на территории Китая и Монголии, кроме сибирских

станций. Сеть метеорологических станций охватила практически весь Китай от Тяньцзиня на севере до Цзилуна на юге (современный Тайвань), включая станцию в Урге (центр Монголии) [19].

ВЫВОДЫ

Таким образом, китайский вектор в исследованиях Академии наук не только стал одним из приоритетных направлений ее научной деятельности, но и создал прочный фундамент для формирования отечественной школы китаеведения. На протяжении XVIII и XIX веков стараниями ученых Академии наук в Китае были собраны богатейшие этнографические, ботанические и зоологические коллекции, проведены лингвистические, магнетические и астрономические исследования, в Россию привезены многочисленные книги, манускрипты и рукописи

на китайском, монгольском, маньчжурском и тибетских языках. Во второй половине XIX века на территории миссии была построена полноценная обсерватория, принадлежащая Академии наук. Исследования климата и земного магнетизма, проводившиеся в Пекинской обсерватории, оказали большое влияние на развитие астрономических и метеорологических исследований в Китае и на российском Дальнем Востоке. Изучение Академией наук Китая за долгий период трансформировалось: от опосредованного получения информации через иезуитов в XVIII веке до полноценных исследований в XIX веке.

Многоаспектные исследования, проводимые академиками на протяжении XVIII–XIX веков, определили развитие российской синологии на последующие десятилетия и позволили российским китаеведам внести существенный вклад в мировое востоковедение.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ С 1644 по 1912 год Китай официально назывался Империей Цин и включал Монголию и Маньчжурию. Однако для упрощения восприятия и анализа текста мы намеренно используем общепринятое название «Китай» для обозначения этой территории в XIX веке.
- ² *Museum Sinicum, in quo sinicae linguae et literaturae ratio explicator*. Spb.: Acad. Petrop., 1730. Т. 1–2.
- ³ Формальным поводом для отправки цинского посольства в Россию явилось поздравление императора Петра II с восшествием на престол. Однако, когда посольство добралось до Москвы, на престоле уже находилась императрица Анна, что побудило цинский двор в том же 1731 году отправить в Россию новое посольство. Главной целью обоих посольств было заручиться поддержкой или хотя бы нейтралитетом России в войне Цинской империи с Джунгарским ханством и склонить волжских калмыков (и прежде всего сына Цэван-Рабдана Лоузана-Шоно, бежавшего из Джунгарии на Волгу) к войне против джунгар.
- ⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 401–1829. Л. 3.
- ⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 7–9. Л. 4.
- ⁶ РГИА. Ф. 775. Оп. 1. 1845. Д. 8. Л. 15.
- ⁷ Лян – китайская серебряная монета. РГИА. Ф. 775. Оп. 1. 1840–1850. Д. 256. Л. 71 об.
- ⁸ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1839. Д. 13. Л. 65.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Б а ю к Д. А. Антуан Гобиль, академии его императорского величества и проблема экспорта научных революций [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://iphra.ru/uplfile/socetp/sem_prob_l_rac_ph/122_bayuk.pdf?ysclid=m471cujb2e501610687 (дата обращения 02.12.2024).
2. Б о л д ы р е в О. Н. Попытки Китая заключить военный союз с Калмыцким ханством в начале XVIII века // Известия Саратовского университета. Новая сер. Серия: История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 64–68. DOI: 10.18500/1819-4907-2020-20-1-64-68
3. Г а с у н с М. Ю. История «обыкновенного» шрифта нагари // Восток (Oriens). 2015. № 3. С. 129–141.
4. Д а ц ы ш е н В. Г. Изучение истории Китая в Российской империи. М.: Проспект, 2017. 192 с.
5. Д а ц ы ш е н В. Г. Изучение истории Центральной и Восточной Азии в Санкт-Петербургской Академии наук в XVIII – первой половине XIX в. // Мир Евразии. 2013. № 2 (21). С. 21–26.
6. Д а ц ы ш е н В. Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. 240 с.
7. И п а т о в а А. И. Деятельность Российской духовной миссии в Китае // Отечественные записки. 2008. № 3 (42). С. 320–331.
8. Летопись Российской Академии наук: В 4 т. Т. I. 1724–1802. СПб.: Наука, 2000. 994 с.
9. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: хронологические обзоры и описание архивных материалов / Сост. В. Ф. Гнучева; Под общ. ред. акад. В. Л. Комарова. М.: Л., 1940. 312 с.
10. М е н ь ш и к о в а М. О некоторых ценных официальных и диковинных подарках китайского императора Канси российскому императору Петру I [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.tg-m.ru/articles/1-2023-78/o-nekotorykh-tsennyykh-ofitsialnykh-i-dikovinnykh-podarkakh-kitaiskogo-imperatora-> (дата обращения 05.08.2024).
11. М о р о з И. Т. Первое китайское посольство в С.-Петербурге (1732 г.) // Восточный архив. 2010. Вып. 2. С. 19–26.
12. Образ Петра Великого в странах Восточной Азии / Под ред. Н. А. Самойлова. М.: Весь Мир, 2022. 432 с.

13. Пан Т. А. История и состав маньчжурского фонда Азиатского музея [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.orientalstudies.ru/rus/templates/manjurica/index.html> (дата обращения 18.09.2024).
14. Пан Т. А., Шаталов О. В. Архивные материалы по истории западноевропейского и российского китаеведения: (к изданию работы В. П. Тарановича «Научная переписка Санкт-Петербургской Академии наук с иезуитами, проживавшими в Пекине в XVIII веке»). СПб.; Воронеж, 2004. 139 с.
15. Попова И. Ф. О первых поступлениях китайских книг в Российскую академию наук и их каталогизации в XVIII в. // Письменные памятники Востока. 2007. № 1 (6). С. 230–246.
16. Самойлов Н. А. Китайское направление внешней политики Петра Великого // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 69–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.769
17. Самойлов Н. А. Россия и Китай в XVII – начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. 368 с.
18. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. 512 с.
19. Феклова Т. Ю. Магнитно-метеорологические станции Санкт-Петербургской академии наук в Китае во второй половине XIX века // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 179–188.
20. Ширин Д. А. Летопись экспедиций Академии наук на севере-востоке Азии в дореволюционный период. Новосибирск: Наука, 1983. 137 с.
21. Adamek P. The establishment of the Russian Ecclesiastical Mission in Peking as an example of a long-term cooperation between the state and the church: A historical review // Nurt SVD. 2022. Vol. 152, № 2. P. 75–87.
22. Afinogenov G. Spies and scholars: Chinese secrets and Imperial Russia's quest for world power. Cambridge, MA: Harvard University Press, Belknap Press, 2020. 336 p. DOI: 10.2307/j.ctvxkn6ft
23. Clubb O. E. China and Russia. The “Great Game”. New York; London: Columbia University Press, 1971. 578 p.
24. Jin Yunlong. Review on the status of the research on the Russian Orthodox mission // Journal of Normal Colleague of Changchun. 2012. № 31 (1). P. 61–64.
25. Latourette K. S. A history of Christian missions in China. New York: Russel and Russel, 1967. 930 p.
26. Li Jingcheng. The Russian Orthodox Mission in Beijing (XVIII–XX centuries): Historiography, missionary role, and contemporary assessment // Religions. 2024. № 15 (5). P. 1–21. DOI: 10.3390/rel15050557
27. Lomanov A. V. Chinese culture through the eyes of Russian missionaries: Translations and interpretations // Journal of Renmin University of China. 2009. Vol. 4, № 1. P. 111–121.
28. Lomanov A. V. Russian Orthodox Church (chapter 2.4.) // Handbook of Christianity in China. Vol. 2: 1800 to the present. (R. G. Tiedemann, Ed.). Leiden; Boston: Brill, 2010. P. 553–563.
29. Parry A. Russian (Greek Orthodox) missionaries in China, 1689–1917; their cultural, political, and economic role // The Pacific Historical Review. 1940. Vol. 9, № 4. P. 401–424.
30. Zhu Kozhen. Meteorological records of Beijing in Qing Dynasty // Meteorological Magazine. 1979. Vol. 12, № 2. P. 214–216.
31. 阎国栋. 俄国汉学史 (迄于 1917 年)。北京:人民出版社。2006。740页。(Ян Годун. История российского китаеведения (по состоянию на 1917 год). Пекин: Народное издательство, 2006. 740 с.)
32. 蔡鸿生. 俄罗斯馆纪事。北京。2006。251页。(Цай Хуншэн. Исторические хроники российской миссии. Пекин: Книжный магазин «Чжунхуа», 2006. 251 с.)
33. 顾长声. 顾长声 传教士与近代中国。上海:人民出版社。1991。498 页。(Гу Чаншэн. Миссионеры и Китай в новое время. Шанхай: Народное издательство, 1991. 498 с.)

Поступила в редакцию 16.12.2024; принята к публикации 03.03.2025

Original article

Tatiana Yu. Feklova, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Saint Petersburg Branch of S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
 ORCID 0000-0001-8446-4192; tat-feklova@yandex.ru

REVISITING THE HISTORY OF CHINESE STUDIES BY THE ACADEMY OF SCIENCES IN THE XVIII AND XIX CENTURIES

Abstract. The study's relevance lies in examining the long-term relationship between Russia and China, shaped by their geographical proximity and centuries-old historical ties. The primary aim of this research is to provide a comprehensive analysis of the “Chinese vector” within the scientific endeavors of the Russian Academy of Sciences during the XVIII and XIX centuries. This approach enables to trace the evolution of early Russian-Chinese scientific cooperation, identify key areas of interaction, and assess the contributions of Russian scientists to the development of sinology as an independent academic discipline. The paper offers a comprehensive analysis of expeditions and natural-scientific research conducted collaboratively by scientists and the Russian Orthodox Mission in China. The study of China's representation in Russian scientific circles is structured around the gradual transition from indirect information acquisition via Jesuit missionaries in the XVIII century to the establishment of a permanent scientific presence in Beijing during the second half of the XIX century, exemplified by the founding of the magneto-meteorological observatory. The research draws upon previously inaccessible sources from Russian archives, including the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, the Russian State Historical Archive, and the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.

Keywords: Academy of Sciences, China, Beijing, magneto-meteorological observatory, expeditions, Russian Orthodox Mission

For citation: Feklova, T. Yu. Revisiting the history of Chinese studies by the Academy of Sciences in the XVIII and XIX centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(4):72–80. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1185

REFERENCES

- Bayuk, D. A. Antoine Gobil, His Imperial Majesty's Academies, and the problem of exporting scientific revolutions. Available at: https://iphrras.ru/uplfile/socep/sem_probl_rac_ph/122_bayuk.pdf?ysclid=m471cujb2e501610687 (accessed 02.12.2024). (In Russ.)
- Boldyreva, O. N. China's attempts to form a military alliance with the Kalmyk Khanate in the early XVIII century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*. 2020;20(1):64–68. (In Russ.)
- Gasuns, M. Yu. The history of the “ordinary” Nagari font. *Oriens*. 2015;3:129–141. (In Russ.)
- Datsyshen, V. G. The study of the history of China in the Russian Empire. Moscow, 2017. 192 p. (In Russ.)
- Datsyshen, V. G. The study of the history of Central and Eastern Asia in St. Petersburg Academy of Sciences in the XVIII – first half XIX centuries. *World of Eurasia*. 2013;2(21):21–26. (In Russ.)
- Datsyshen, V. G. Christianity in China: history and modernity. Moscow, 2007. 240 p. (In Russ.)
- Ipatova, A. I. Activities of Russian Spiritual Mission in China. *Domestic Notes*. 2008;3(42):320–331. (In Russ.)
- The chronicle of the Russian Academy of Sciences: In 4 vols. Vol. I. 1724–1802. St. Petersburg, 2000. 994 p. (In Russ.)
- Materials for the history of expeditions of the Academy of Sciences in the XVIII and XIX centuries: chronological reviews and description of the archival materials. (V. L. Komarova, Ed.). Moscow; Leningrad, 1940. 312 p. (In Russ.)
- Menshikova, M. Some valuable official and exotic gifts of the Chinese Kangxi Emperor to the Russian Emperor Peter the Great. Available at: <https://www.tg-m.ru/articles/1-2023-78/o-nekotorykh-tsennyykh-ofitsialnykh-i-dikovinnykh-podarkakh-kitaiskogo-imperatora-> (accessed 08.05.2024). (In Russ.)
- Moroz, I. T. The first Chinese Embassy in St. Petersburg (1732). *Oriental Archive*. 2010;2:19–26. (In Russ.)
- The image of Peter the Great in the countries of East Asia. (N. A. Samoylov, Ed.). Moscow, 2022. 432 p. (In Russ.)
- Pan, T. A. History and composition of the Manchurian Fund of the Asian Museum. Available at: <http://www.orientalstudies.ru/rus/templates/manjurica/index.html> (accessed 18.09.2024). (In Russ.)
- Pan, T. A., Shatalov, O. V. Archival materials on the history of Western European and Russian sinology: (for publishing *Scholarly Correspondence of the St. Petersburg Academy of Sciences with Beijing Jesuits in the XVIII Century* by V. P. Taranovich). St. Petersburg; Voronezh, 2004. 139 p. (In Russ.)
- Popova, I. F. Arrival of first Chinese books to the Russian Academy of Sciences and their cataloguing in the XVIII century. *Pis'mennye Pamiatniki Vostoka*. 2007;1(6):230–246. (In Russ.)
- Samoylov, N. A. Chinese vector of Peter the Great's foreign policy. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(4):69–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.769 (In Russ.)
- Samoylov, N. A. Russia and China between the XVII and the early XX centuries: trends, forms, and stages of socio-cultural interaction. St. Petersburg, 2014. 368 p. (In Russ.)
- Skachkov, P. E. Essays on the history of Russian sinology. Moscow, 1977. 512 p. (In Russ.)
- Feklova, T. Yu. Magneto-meteorological stations of the Saint Petersburg's Academy of Sciences in China in the second half of the 19th century. *Historical Courier*. 2023;3(29):179–188. (In Russ.)
- Shirina, D. A. The chronicle of pre-revolutionary expeditions of the Academy of Sciences in North-East Asia. Novosibirsk, 1983. 137 p. (In Russ.)
- Adamek, P. The establishment of the Russian Ecclesiastical Mission in Peking as an example of a long-term cooperation between the state and the church: A historical review. *Nurt SVD*. 2022;152(2):75–87.
- Afinogenov, G. Spies and scholars: Chinese secrets and Imperial Russia's quest for world power. Cambridge, 2020. 336 p. DOI: 10.2307/j.ctvxkn6ft
- Clubb, O. E. China and Russia. The “Great Game”. New York; London, 1971. 578 p.
- Jin, Yunlong. Review on the status of the research on the Russian Orthodox mission. *Journal of Normal Collegue of Changchun*. 2012;31(1):61–64.
- Latourette, K. S. A History of Christian missions in China. New York, 1967. 930 p.
- Li, Jingcheng. The Russian Orthodox Mission in Beijing (XVIII–XX centuries): Historiography, missionary role, and contemporary assessment. *Religions* 2024;15(5):1–21. DOI: 10.3390/rel15050557
- Lomanov, A. V. Chinese culture through the eyes of Russian missionaries: Translations and interpretations. *Journal of Renmin University of China*. 2009;4(1):111–121.
- Lomanov, A. V. Russian Orthodox Church (chapter 2.4.). *Handbook of Christianity in China*. Vol. 2: 1800 to the present. (R. G. Tiedemann, Ed.). Leiden; Boston, 2010. P. 553–563.
- Parry, A. Russian (Greek Orthodox) missionaries in China, 1689–1917; their cultural, political, and economic role. *The Pacific Historical Review*. 1940;9(4):401–424.
- Zhu, Kozhen. Meteorological records of Beijing in Qing Dynasty. *Meteorological Magazine*. 1979;2:214–216.
- 阎, 国栋. 俄国汉学史 (迄于 1917 年)。北京: 人民出版社。2006。740 页
- 蔡, 鸿生. 俄罗斯馆纪事。北京: 中华书局。2006。251 页。
- 顾, 长声. 顾长声 传教士与近代中国。上海: 人民出版社。1991。498 页。

Received: 16 December 2024; accepted: 3 March 2025